

Глава 2. Экология и левые

Пол Макайзек:

Те из вас, кто следил за публикациями в газете «Земля прежде всего!» и читал работы Мюррея или кто посетил множество конференций зелёных, уже поняли, что в радикальном экологическом движении на протяжении последних нескольких лет велись горячие и часто резкие дискуссии, и в этом идейном конфликте Мюррей и Дейв играли не последнюю роль. Мне кажется важным то, что они оба сейчас стоят на одной сцене и что они с таким чувством обращались друг к другу в своих вступительных замечаниях. Наверное, теперь мы можем с пользой для себя обратиться к тем разногласиям между ними, которые были видны в их прошлых выступлениях и публикациях. Сейчас я хочу остановиться лишь на одном расхождении и спросить, как различаются их взгляды на роль, которую должны играть в экологическом движении те, кого я, за неимением лучшего определения, называю левыми.

Когда я был в Орегоне, однажды ночью я ужинал с несколькими «землянами», и этот спор возник в нашей группе. Одна из женщин, Джуди Бари, была родом с Восточного побережья и вышла из рядов левого движения. Когда она переехала в Калифорнию и затем в Орегон, она была вовлечена в «Земля прежде всего!». Теперь она – весьма активный и успешный организатор «Земля прежде всего!» в той области. Интересно, что она, опираясь на свои левые традиции, проследила эпическую историю «Индустриальных рабочих мира» на Северо-Западе, чтобы понять, что они делали и как они работали; чтобы посмотреть, может ли их организация дать какой-то урок сегодняшнему радикальному экологическому движению.

Рассматривая организационную ситуацию «Земля прежде всего!» с радикальной пролетарской точки зрения, она пришла к пониманию того, что если мы сократим наше потребление древесины, остановим вывоз сырых лесоматериалов в Японию и другие страны Тихоокеанского региона и прекратим вырубку старовозрастных лесов, мы тем самым создадим необходимость в переквалификации рабочих и даже в совершенно новом типе экономики. Согласно Джуди, это заставляет «Земля прежде всего!» вплотную заняться вопросами рабочего контроля и создания децентрализованной лесной промышленности, которая работала бы в гармонии с природой. Это значит думать о рабочих местах для людей и быть чутким к опасениям рабочих.

Слушая Джуди, я заметил, что у другого организатора «Земля прежде всего!», сидевшего за столом, с началом диалога глаза, как мне показалось, затуманились. В ходе беседы стало ясно, что он либо не понимал, либо не хотел иметь дела с левой традицией уобблиб¹, либо чувствовал себя неуютно во всех этих разговорах о рабочем классе. Для него лесорубы были аморальными, антропоцентричными. Они в той же мере были частью экологической проблемы, что и лесозаготовительные компании.

Поэтому я спрашиваю вас обоих: может ли левая традиция что-либо предложить радикальному экологическому движению? Я знаю, Дейв Формен говорил, что традиция левого радикализма основывается на языке, образе мыслей и способе действий, которые нам следует отбросить, чтобы двигаться дальше. Мюррей, с другой стороны, представляет популистское, либертарное крыло левой традиции. Он называет себя экоанархистом. Он всеми силами продолжает левую традицию и призывает других делать то же самое. Не так давно он помог основать Сеть левых зелёных, которая призвана служить сознательным голосом левых внутри широкого зелёного движения. Что каждый из вас может сказать по этому вопросу? Какова ценность левой традиции для радикального экологического движения?

Дейв Формен:

Что ж, должен признать, я пришёл из совсем другой традиции, которая активно враждебна по отношению к левым. Как я уже сказал, я начинал с кампании в поддержку Барри Голдуотера в 1964 г. Это казалось вполне естественным для человека, чей отец служил в военно-воздушных силах. Кроме того, в 1960-е я был председателем отделения «Молодых американцев за свободу» в Нью-Мексико. Правда, стоит оговориться: я был в анархистской фракции МАС. Мы ненавидели Уильяма Ф. Бакли², этого мелкого слащавого придурка. Даже в то время, когда я ещё был девятнадцатилетним паршивцем из МАС в кампусе Университета Нью-Мехико, я не мог вынести Уильяма Ф. Бакли. От этого парня меня просто выворачивало.

Всё-таки тогда я действительно принимал на веру большую ложь времён Холодной войны, что где-то там существует глобальный коммунистический заговор, грозящий уничтожить нашу свободу. Хотя по-настоящему меня привлекала либертарианская риторика Голдуотера. Вас бы удивило, сколько я знаю людей, которые в колледже работали на Голдуотера, а теперь стали радикалами.

Война во Вьетнаме пробудила у меня сомнения относительно моих убеждений, однако эти сомнения не слишком меня мучили, пока в 1968 г. я не закончил колледж. В то время либо вы сами шли в армию, либо вас призывали. Так что я поступил в офицерскую кандидатскую школу морской пехоты в Квантико. Я учился там в одно время с Олли Нортон³, хотя мы никогда и не сталкивались друг с другом. Я прослужил в морской пехоте всего 61 день. Ещё 31 день я провёл в одиночном заключении на гауптвахте.

Комендант школы в Квантико сказал мне, что я был худшим курсантом в истории морской пехоты; теперь это выглядит как довольно неплохой комплимент. Я очень быстро обнаружил, что ни в морской пехоте, ни в людях, которые сражались во Вьетнаме, не было и тени либертарианства или джефферсонизма. После своего отчисления я вернулся в Нью-Мексико, к величайшему горю моего отца. Он предпочёл бы, чтобы я погиб во Вьетнаме, нежели навёл позор на семью (хотя с тех пор мы восстановили отношения). Вдобавок я стал активно участвовать в антивоенном движении Университета Нью-Мексико и произнёс несколько речей против вербовки в ЦРУ и войны. Это, безусловно, было удачным приобретением для университетских радикалов – заполучить одного из ведущих «ястребов», вернувшегося в кампус из морской пехоты и перешедшего на другую сторону.

После этого у меня были не всегда тёплые отношения с левыми. Я разделяю многие положения левых, но всё же подхожу к политическим проблемам с несколько иной стороны. Долгие годы преобладающей политической и философской традицией для меня было американское консервационистское движение. Мои герои – Генри Дэвид Торо, Джон Мьюир, Олдо Леопольд и Боб Маршалл. На все упрёки в моём невежестве по отношению к левым могу ответить, что и многие левые никогда всерьёз не рассматривали идеи этих людей. Уверен, наши традиции пересекаются, но они также имеют различия.

Я родом с открытых просторов Нью-Мексико. Я приехал не из городских центров Востока, где левая традиция гораздо сильнее, чем на Юго-Западе. Левая традиция не относится к вещам, которые я хорошо понимаю. Левые часто говорят немного на другом языке, чем я. Это не значит, что мы должны бороться; это значит лишь, что мы обращаем внимание на разные вещи.

Я действительно думаю, что мы можем многому научиться друг у друга. Мне необязательно считать себя левым. Можно сказать, я не хочу компрометировать левое движение своим сотрудничеством. Но я на самом деле с большим сочувствием отношусь к этому движению и продолжаю извлекать уроки из моих порой неуклюжих танцев с левыми.

Когда мы в 1980 г. создали «Земля прежде всего!», мы сознательно старались учиться стратегии и тактике у многочисленных левых общественных движений. Уоббли, несомненно, являлись одной из групп, которые нас привлекали. Я даже издал «Маленький зелёный песенник», по примеру «Маленького красного песенника» ИРМ. Я беседовал с Ютой Филлипс и некоторыми старыми уоббли; меня действительно заинтересовало многое из того, что они говорили.

В таком месте, как Орегон, где мы видим огромные транснациональные корпорации, по преимуществу практикующие политику «вырубай и бросай», хорошая доза левого, антикапиталистического анализа может помочь нам понять ситуацию. Эти компании, одержимые прибылью, ни черта не заботятся об общественной стабильности или занятости. Они планируют свернуть бизнес через десять лет после того, как они извели леса на Северо-Западе. Они имеют достаточно капитала, чтобы переехать куда-нибудь ещё, где они смогут выращивать сосны, как кукурузу в Айове.

Я полностью согласен с тем, что нам нужно убрать крупный капитал из лесной отрасли и предоставить место небольшим коллективным предприятиям. Я вносил подобное предложение по Тихоокеанскому Северо-Западу 4 или 5 лет назад. Моё предложение заключалось в том, чтобы запретить в национальных лесах любые лесозаготовки, кроме осуществляемых небольшими местными компаниями, предпочтительно находящимися в собственности рабочих. Кроме того, этот план требовал предоставить определённое количество рабочих мест на каждые 2 тысячи кубометров, как в лесах, так и на фабриках. На данный момент мы заготавливаем в национальных лесах столько же древесины, сколько и всегда, но количество людей, занятых в заготовке и обработке, составляет около половины от обычного. И причина этому – в автоматизации, поскольку крупные компании таким путём смогут заработать больше денег.

Сейчас мы получаем из деревьев, срубленных в национальных лесах, где-то около 26–28 млн кубометров древесины в год, однако крупные лесозаготовительные компании ежегодно отправляют в Японию около 23,5 млн кубометров грубо разделанных брёвен. Другими словами, почти вся продукция из национальных лесов нераспиленной, необработанной отправляется в Японию. Компании экспортируют рабочие места вместе с деревьями. Так что, если вы хотите вникнуть в эту ситуацию, вам потребуется анализ транснационального капитализма, анализ движения капитала и его влияния на наше общество.

Одна из самых моих больших претензий к рабочим на Тихоокеанском Северо-Западе – то, что большинство из них «классово несознательны». Это большая проблема. Слишком многие рабочие обвиняют защитников окружающей среды в том, что им приходится расплачиваться своими рабочими местами. Но по чьей вине им приходится расплачиваться? Не из-за консервационистского движения, защищающего девственные леса, исчезают рабочие места на Тихоокеанском Северо-Западе, а из-за алчности транснационалов.

Мы легко можем увеличить занятость и стабильность на Тихоокеанском Северо-Западе и без вырубki старовозрастных лесов. Но как вы объясните это основной массе рабочих, у которых в голове засело то, что напевают им компании: природоохранное движение против них, и если они будут послушны, если они будут сопротивляться нам, то всё будет замечательно?

История уоббли и других левых профсоюзных движений, несомненно, может многому научить нас в плане организации рабочих. С другой стороны, у меня вызывает большое затруднение то, что левые склонны романтизировать рабочих и рассматривать их только как жертв. Да, лесорубы – жертвы несправедливой экономической системы, но это не должно оправдывать всего, что они делают. Из тяжести вины капиталистов ещё не следует, что все рабочие невиновны в уничтожении природной среды. Я думаю, мы должны считаться с тем фактом, что промышленные рабочие, вообще говоря, отчасти разделяют вину за продолжающееся разрушение Земли.

Я хочу, чтобы рабочие больше сопротивлялись, чтобы они стали более боевыми и чтобы они не были такими усердными и ревностными прислужниками крупного капитала и не слушали всё время его пропаганду. Слишком многие рабочие принимают точку зрения своих хозяев, что Земля – это шведский стол доступных ресурсов. Более того, иногда именно крепкий парень из народа, матёрый трудяга от станка, так воспеваемый в преданиях уоббли, самым насильственным и разрушительным образом относится к миру природы (а заодно и к тем, кто желает его защитить). Я не думаю, что будет разумно возводить рабочий класс, как и любую другую угнетаемую группу, на пьедестал, не позволяя никому критиковать его или сомневаться в нём.

Но больше всего меня огорчает в левых, конечно же, то, что они серьёзно недооценивают значение естественных экосистем, девственных местностей и дикой природы. Наше общество, наша цивилизация не имеет божественного мандата или права, позволяющего мостить, покорять, контролировать, развивать, использовать или эксплуатировать каждый квадратный дюйм этой планеты. В лучшем случае, если левые вообще уделяют хоть какое-то внимание экологии, они поступают так, чтобы защитить бассейн реки, воды которой

используются в земледелии, промышленности и домашнем хозяйстве. Они поступают так, чтобы предоставить нам хорошее место, где мы можем очистить наши мозги от паутины после долгой недели, проведённой на автозаводе или за компьютерным терминалом. Они поступают так, потому что этим они сохраняют возможность добычи ресурсов для будущих поколений людей или потому что какое-то неизвестное растение, затерянное в глуши, может оказаться лекарством от рака. Они поступают так, потому что природа имеет техническую ценность для человека. Подавляющее большинство сегодняшних левых всё ещё неспособно воспринимать мир природы как часть жизненного цикла, которая заслуживает открытого нравственного отношения, вне всякой связи с действительной или предполагаемой практической ценностью для человеческой цивилизации.

Большинство левых стоят за экологические начинания, такие как сохранение дикой природы или биологического разнообразия, только на том условии, что мы сможем осуществить их без негативных последствий для материального «уровня жизни» какой-либо группы людей. Земля в их мыслях всегда на втором месте и никогда – на первом. Это делает многих левых ненадёжными союзниками в экологической борьбе. Очевидно, что вещи, которые на первый взгляд отвечают краткосрочным интересам человечества в целом – либо избранной группы людей, либо отдельных личностей, – порой наносят краткосрочный или долгосрочный ущерб здоровью биосферы (и часто даже ухудшают действительное долгосрочное благосостояние людей). Левые, в той степени, в какой они избегают оказывать давление на людей, чтобы приспособить их образ жизни к планетарному живому сообществу, составляют часть проблемы, а не часть решения экологического кризиса.

Это, пожалуй, наиболее ясно проявляется в отказе большинства левых признавать, что существует кризис народонаселения и что мы должны снизить численность человеческой популяции в длительной перспективе. Левые сводят все проблемы дефицита ресурсов к неправильному распределению и торгашеству транснациональных корпораций. В этом, конечно, много правды. Вопиющая непропорциональность в распределении богатств и предметов первой необходимости среди людей является фактом, и она должна быть преодолена. Тем не менее, даже если проблема справедливого распределения будет решена, существование пяти, семи или одиннадцати миллиардов человек, перерабатывающих природный мир в материальные блага и продукты питания, ставит долгосрочную устойчивость человеческого общества под вопрос. Большая часть левых не понимает этого простого экологического факта.

Некоторые, конечно же, понимают. Зелёные сделали устойчивое развитие человеческого общества краеугольным камнем своей политической концепции. Но всё же, с моей точки зрения, этого недостаточно. Для меня проблема не просто в том, чтобы выяснить, как удерживать народонаселение на уровне, который может обеспечить биологическую устойчивость при сохранении справедливых показателей потребления. Я верю, что экологическое сообщество стоит ценить не только за то, что оно может предложить людям. Другие существа, животные и растения, и даже так называемые «неодушевлённые» объекты, как реки, горы и девственные местообитания, ценны по своей природе и существуют ради самих себя, а не ради удобства человеческого вида. Если мы настроены серьёзно, то, в целях создания экологического общества, мы должны будем найти гуманные способы привести население планеты к уровню, который позволит медведям, тиграм,

слонам, обитателям тропических лесов и других природных ареалов процветать так же, как и людям.

Это, без сомнения, потребует от нас снизить текущую численность нашего населения, которое, даже если бы мы преуспели в искоренении бедности и несправедливости, вероятно, продолжало бы уничтожать естественное разнообразие биосферы, эволюционировавшей 3,5 миллиарда лет. Я подписываюсь под принципом глубинной экологии, гласящим, что «процветание человеческой жизни и культуры совместимо с существенным уменьшением народонаселения, а процветание нечеловеческой жизни требует такого уменьшения»⁶⁴. Левым предстоит пройти долгий путь, чтобы включить этот принцип в свои взгляды. До тех пор левые, переходя от прозрений к заблуждениям, будут оставаться сомнительным подарком для экологического движения.

Я также вижу проблему в организаторском стиле левых. Многие радикальные активисты – это мрачная, ханжеская, лишённая чувства юмора компания. Ещё временами они кажутся сверхрациональными. Не поймите меня неправильно. Рациональность – замечательный и полезный инструмент, но это просто инструмент, способ обрабатывать материалы. Не менее важно интуитивное, инстинктивное понимание. Часто мы, спокойно сидя на природе, постигаем вечные истины лучше, чем читая книги в библиотеке. Чтение книг, логические рассуждения, сбор фактов и цифр – всё это важно и необходимо, но это не единственный путь к осмыслению мира и наших жизней. И ещё одна старая история: как левые строят расстрельную команду? Они становятся в круг и стреляют внутрь. Я думаю, печально, что, вместо того чтобы бороться против Джорджа Буша и «Эксон», нам часто легче спорить с людьми, которые находятся в одинаковом положении с нами.

В своих лучших проявлениях стиль «Земля прежде всего!» открывает дорогу вперёд, и левые поступили бы мудро, если бы учились на его примере. Мы восстаём против системы не потому, что мы недовольны жизнью. Мы боремся за красоту, за жизнь, за радость. Мы приходим в восторг, увидев красоту природы в лучах солнца, мы улыбаемся цветку и колибри. Мы смеёмся. Мы смеёмся над нашими противниками – и смеёмся над самими собой. Мы готовы позволить, чтобы все детали нашей философии вырисовывались в наших действиях, вместо того чтобы вести бесконечные дебаты по нашей программе. Мы готовы сейчас же взяться за дело, делать ошибки, учиться, потому что мы в пути.

Подводя итог всему сказанному, я думаю, что мы в радикальном экологическом движении нуждаемся в более здоровом отношении к разнообразию, соединённом с готовностью учиться у всех традиций, составляющих наше движение. У нас есть базис для общей перспективы, достаточно широкой, чтобы вместить в себя разные проекты и подходы. Я признаю тот факт, что существует много вещей, которым я могу научиться у левых. Но я также верю в то, что и левые могут кое-чему поучиться у меня, «Земля прежде всего!» и всего консервационистского движения. Давайте учиться друг у друга.

Мюррей Букчин:

Видите ли, я был левым задолго до того, как стал экологом. Я состоял в Молодёжной коммунистической лиге с 1934 г. Я был участником того самого «международного

коммунистического заговора», который так сильно пугал Дейва. И, я добавил бы, не без некоторого основания. Сталинизм – это порочная идеология, и ленинизм немногим лучше.

Как и в случае Дейва, личные переживания, вызванные ужасами войны, заставили меня подвергнуть сомнению мои юношеские политические убеждения. Вьетнамской войной моего поколения была Гражданская война в Испании, или, как я теперь предпочитаю её называть, Испанская анархическая революция. В то время мы не знали о ней – в изложении коммунистов Гражданская война в Испании сводилась к героической борьбе между либеральной демократией левой ориентации и фашистскими военными формированиями, – однако, как я узнал позднее, правда заключалась в том, что выступление испанских рабочих и крестьян, решивших дать отпор военному мятежу Франко, было, вероятно, самой масштабной и радикальной анархической революцией в истории⁶⁵.

Даже сегодня немногие знают её историю. С 1936 по 1939 год, вплоть до окончательной победы Франко, во многих городах, включая Барселону, Валенсию и Алькой, была установлена система рабочего самоуправления. Повсюду фабрики, инфраструктура, транспортные средства, даже заведения розничной и оптовой торговли были взяты под контроль и управлялись рабочими комитетами и профсоюзами. Крестьяне Андалусии, Арагона и Леванта устанавливали коммунальную систему землевладения, в некоторых случаях отменяя использование денег для внутренних сделок, утверждая принципы свободного производства и распределения и вводя порядок принятия решений, основанный на народных собраниях, прямой демократии и личном взаимодействии.

Хотя в то время мы не знали о подлинном размахе этой революции, я, наряду с другими, начал замечать, что Коммунистическая партия Испании, действуя по приказам Сталина, манипулировала советской материальной помощью и продавала борющийся против фашистов испанский народ, потому что коммунисты боялись революционного анархического движения даже больше, чем победы Франко. Я не буду утомлять вас деталями, но многие радикалы моего поколения увидели, что, к нашему ужасу, сталинизм в конечном счёте оказался контрреволюционным. Для меня это означало на короткое время стать троцкистом. Троцкисты были единственной заметной революционной левой группой в Нью-Йорке, которая бросала серьёзный вызов сталинизму, по крайней мере так мне казалось.

В итоге я, разумеется, стал анархистом. Я увидел в анархизме совершенно новую философию и стратегию революции. Если марксисты полностью сосредотачивались на фабрике и добивались «индустриализации» и «пролетаризации» крестьянства, согласно их главной стратегической установке, то анархизм шёл совсем другим путём. В Испании, например, они искали в деревне докапиталистические общинные традиции, подпитывали в ней то, что было жизнеспособным, развивали её революционный потенциал взаимопомощи и самоуправления и побуждали её выступить против слепого повиновения, иерархического мышления и авторитарного мировоззрения, привитых индустриальной фабричной системой.

Этот ход мыслей довольно быстро привёл меня к левизне, которая гораздо лучше согласуется с североамериканской революционной традицией. Подумайте на секунду, что произошло бы в этой стране, если бы концептуальная демократия местных собраний была развита в противовес аристократическому тяготению к иерархии; если бы упор был сделан

на политическую свободу вместо экономики свободного рынка; если бы индивидуализм стал этическим идеалом, вместо того чтобы застыть в болезненном собственническом эгоизме; если бы республика Соединённых Штатов постепенно была преобразована в конфедеративную демократию; если бы концентрация капитала сдерживалась кооперативами и небольшими предприятиями, находящимися под контролем рабочих; и если бы средний класс объединился с рабочими в подлинно народном движении, подобном тому, которого стремились достичь популисты⁶⁶. Если бы эта североамериканская версия анархического общества вытеснила евросоциалистическую модель национализированной плановой экономики и централизованного государства, было бы сложно предсказать то новаторское направление, которое могло бы получить американское левое движение.

И я призываю радикальное экологическое движение больше узнавать об этой левой либертарной традиции, искать в ней вдохновение и, конечно же, опираться на неё. Я полагаю, однако, что даже этой традиции будет недостаточно в качестве путеводной нити для зелёной политики. Мы всё ещё должны развить действительно экологическую перспективу. Действительных прав насчёт этого. В этом отношении мы с ним не могли бы быть более единомышленными. Больше невозможно всерьёз говорить о «новом» или «радикальном» обществе, не приспособив при этом наши общественные отношения, институты и технологии к экологическому сообществу, вмещающему в себя наше общество.

Самое труднопреодолимое различие между социальной экологией и традиционными левыми в том, что последние, сознательно или неосознанно, принимают «господство над природой» как объективный, исторический императив. Вслед за Марксом большинство левых верят, что «господство человека над человеком» является, или, по крайней мере, являлось, исторически неизбежным злом, возникшим непосредственно из объективной потребности человека «господствовать над природой». Либералы, социал-демократы, марксисты и немалая часть классических анархистов приняли господствующий в современной цивилизации взгляд на мир природы как «слепой», «безгласный», «жестокий», «конкурентный» и «скарредный». И больше всего беспокоит меня само представление о том, что в лице природы человечество сталкивается с враждебной «инаковостью», которой оно должно противопоставить всю силу своего труда и хитроумия, прежде чем вознестись от «царства необходимости» к новому «царству свободы».

Именно этот взгляд на природу позволил Марксу одобрительно отзываться о капитализме как о прогрессивной силе в истории. Для Маркса капитализм был прогрессивным, поскольку он избавил людей от «обожествления» природы и самодостаточного удовлетворения существующих потребностей, которые были заключены в чёткие рамки. Капитализм для многих сегодняшних левых, осознают они это или нет, является исторической предпосылкой освобождения людей. Не будем заблуждаться на этот счёт: Маркс, как и большинство социальных теоретиков современной эпохи, был убеждён в том, что человеческая свобода требует, чтобы природный мир стал «всего лишь предметом для человека, всего лишь полезной вещью», подчиняющейся «человеческим потребностям»⁶⁷.

Учитывая этот идеологический фон, не стоит удивляться тому, что большинство левых, которые действительно интересуются проблемами окружающей среды, делают это из чисто утилитарных соображений. Такие левые полагают, что наша забота о природе основана

исключительно на личной выгоде, а не на ощущении единства живого сообщества, в котором мы являемся лишь частью, хотя и весьма своеобразной. Это – до неприличия инструментальный подход, отражающий серьёзное расстройство нашего этического чувства. Принимать такую аргументацию – значит ни больше ни меньше как утверждать, что наше отношение к природе остаётся нравственным, пока мы можем с успехом грабить её без какого-либо вреда для нас самих.

Я в корне отвергаю эту идею. Социальная экология – левое либертарное направление, которое не может принять этот пагубный взгляд. Вместо этого социальные экологи призывают создать подлинно экологическое общество и развивать экологическое сознание, с глубоким уважением относящееся к природному миру и творческим усилиям естественной эволюции. Мы не собираемся подрывать мир природы и нарушать естественный ход эволюции, даже если нам удастся найти «работающие» или «идентичные» синтетические или механические заменители для существующих жизненных форм и экологических отношений.

Социальные экологи, основываясь на многочисленных антропологических данных, доказывают, что современный взгляд на природу как на враждебное, неуступчивое «иное» исторически возникает как проекция деформированных, иерархических общественных отношений на остальной мир. Очевидно, что в неиерархических, органических, племенных обществах природа обычно рассматривается как щедрый источник жизни и благосостояния. Более того, в ней видят сообщество, к которому принадлежит человеческий род. Таким образом создаётся совсем другая экологическая этика, чем в сегодняшних стратифицированных и иерархических обществах. Это объясняет, почему социальные экологи постоянно подчёркивают необходимость воссоздания гармонических общественных отношений, которые являются фундаментом для глубокого и долгосрочного решения экологической проблемы. Это – существенный элемент в восстановлении взаимодополняющих этических отношений с нечеловеческим миром.

И давайте проясним ещё одну вещь. Мы говорим не просто о прекращении классовой эксплуатации, чего требует большинство марксистов и что, безусловно, важно. Мы говорим об искоренении всех форм иерархии и доминирования, во всех сферах общественной жизни. Конечно, непосредственный источник экологического кризиса – капитализм, но социальные экологи добавляют к этому более глубокую проблему, таящуюся в самом сердце нашей цивилизации, – существование иерархий и иерархической ментальности или культуры, которая предшествовала возникновению экономических классов и эксплуатации. Ранние радикальные феминистки 1970-х, которые первыми подняли проблему патриархата, ясно это понимали. Антииерархический подход феминизма и социальной экологии может многому нас научить. Нам нужно искать корни институционализированных систем принуждения, командования и повиновения, которые существуют в наши дни, но возникли ещё до появления классового общества. Иерархия не обязательно должна быть экономически мотивированной. Мы должны посмотреть за рамки экономических форм эксплуатации, на культурно обусловленные формы доминирования, существующие в семье, в отношениях между поколениями, полами, расовыми и этническими группами, во всех институтах политического, экономического и социального управления и не в последнюю очередь – в том, как мы воспринимаем действительность в целом, включая природу и других

живых существ.

Я верю, что цвет радикализма сегодня – не красный, а зелёный. Я даже могу понять, учитывая экологическую безграмотность значительной части традиционных левых, почему многие зелёные активисты определяют свою позицию как «ни слева, ни справа». Первоначально и я хотел действовать под этим лозунгом. Я не знал, были ли мы «впереди», как утверждает этот лозунг, но я, по крайней мере, хотел двигаться дальше к чему-то новому, о чём традиционные левые могли лишь гадать. Действительно, мало кто бывал таким же бескомпромиссным в своей критике классической «парадигмы» социализма, каким был я.

Однако со временем я пришёл к осознанию того, что для нас очень важно сознательно развивать левую зелёную перспективу. Хотя зелёное движение совершенно правильно отвергает простую разновидность общепринятой левой ортодоксии, принаряженную в несколько новых экологических метафор, я думаю, оно совершает огромную ошибку, когда отказывается сознательно обратиться к леволибертарным и популистским традициям, в особенности к экоанархизму. Когда зелёные отрицают свою близость к этим левым направлениям, они отрезают себя от важного источника вдохновения, мудрости и социального опыта.

Сегодня, например, американское зелёное движение не может даже заставить себя заявить в один голос, что оно против капитализма. В самом деле, некоторые местные организации Зелёных корреспондентских комитетов США состоят из умеренных республиканцев и либеральных демократов, которые говорят о «действительно свободных рынках», «зелёном капитализме» и «зелёном потребительстве» как о средствах, достаточных для того, чтобы контролировать политику транснациональных корпораций. Они говорят о проведении семинаров для менеджеров корпораций, чтобы побудить их принять экологически ориентированную деловую этику. Леволибертарная зелёная перспектива рубит на корню все эти мелкие, реформистские и очень наивные рассуждения.

Радикальная левая традиция является недвусмысленно антикапиталистической. Главный урок, который зелёные могут извлечь из леволибертарной экологии, состоит в том, что корпоративный капитализм по определению антиэкологичен. Рано или поздно рыночная экономика, живущая по законам конкуренции и накопления и основанная на принципе «расти или умри», неизбежно должна будет разрушить планету, независимо от любых моральных и культурных факторов. Эта проблема является системной, а не только этической. Транснациональный корпоративный капитализм, подобно раку, жадно пожирает биосферу, сводит на нет работу целых эонов естественной эволюции и подрывает основы существования сложных форм жизни на этой планете. Экологическое движение ничего не добьётся, если не осознает этот факт. К её чести, «Земля прежде всего!» продвинулась в понимании этого пункта дальше, чем большинство экологических групп.

Далее, я убеждён, что отсутствие достаточно развитой леволибертарной зелёной перспективы сделало слишком многих людей в экологическом и феминистском движениях уязвимыми для «контрпросветительского» настроения, которое сейчас всё больше распространяется в западной культуре. Хотя нарастающее очернение просветительских

ценностей гуманизма, натурализма, разума, науки и технологии, конечно, можно понять в свете того, как эти гуманные идеалы были искажены патриархальным, расистским, капиталистическим и бюрократическим обществом, некритическое отрицание действительных достижений Просвещения в конечном счёте кончится тем, что вместе с водой мы выплеснем и младенца.

То, что наше общество извратило лучшие идеи просветителей, сведя разум к грубому индустриальному рационализму, сфокусированному на эффективности, а не на этически вдохновлённой интеллектуальности; что оно использует науку, чтобы измерять мир и отделять мысль от чувства; что оно использует технологию, чтобы эксплуатировать природу, в том числе человеческую природу, – всё это не должно обесценивать основополагающие идеалы Просвещения. Нас многому может научить непрерывная органическая традиция в западной философии, которая начинается с Гераклита и проходит через околоэволюционную диалектику Аристотеля, Дидро и Гегеля. Нас многому могут научить глубокий экоанархический анализ Петра Кропоткина и – да, радикальные экономические прозрения Карла Маркса, революционно-гуманистические, антисексистские взгляды Луизы Мишель и Эммы Гольдман и коммунитарные теории Пола Гудмена, Э. А. Гуткинда и Люиса Мамфорда.

Новое антипросветительское направление, которое объявляет всех этих мыслителей бесполезными или даже хуже, чертовски меня пугает. Потенциально оно может быть довольно опасным. Антирациональные, антигуманистические, сверхъестественные, узкие, изжившие себя взгляды – это жуткий фундамент для строительства движения за новое общество. Такие подходы слишком легко могут вылиться в крайности политического фанатизма или пассивного социального квиетизма. Они легко могут стать реакционными, бездушными и жестокими.

Я видел, как это произошло в 1930-е. Вот почему я говорю, что возникновение в нашем движении эконофашизма – это сегодня реальная возможность. Вот почему я раскритиковал некоторые человеконенавистнические заявления, опубликованные в «Земля прежде всего!»; вот почему я осудил тех немногих «землян», которые собирались вокруг костров и скандировали: «Долой людей!»; и вот почему я выразил тревогу в связи с тем, что крайние высказывания некоторых членов «Земля прежде всего!» по поводу СПИДа, иммиграции и голода так долго не встречали возражений со стороны теоретиков глубинной экологии вроде Джорджа Сешенса, Билла Диволла и Арне Несса. Я согласен с Дейвом в том, что нам следует уважать многообразие взглядов внутри нашего движения, но мы не должны смешивать многообразие и прямое противоречие. Подобные взгляды в лучшем случае неуместны, а в худшем – контрпродуктивны и очень опасны.

Правда ли, что в нашем движении не играет никакой роли гуманистическая этика? Правда ли, что не играет никакой роли разум? Правда ли, что не играет никакой роли экологически чистая технология, которая может удовлетворить основные материальные потребности при минимуме затраченных усилий, оставляя людям время и энергию для прямого демократического управления, насыщенной общественной жизни, осознания ценности природы и удовлетворения культурных запросов? Правда ли, что не играют никакой роли естественные науки? Правда ли, что не играет никакой роли признание всеобщих

человеческих интересов? Экология действительно заставляет нас возвращаться к идее подавления человечества? Мы действительно должны заменить натурализм новым супернатурализмом, входящим нынче в моду?

Дейв определённо прав насчёт того, что, наряду с рациональным духом в человеке, важное место занимает чувство чудесного и удивительного. Но давайте не будем позволять, чтобы торжество этих способов постижения мира вырождалось, как слишком часто случается в наши дни, в антирационализм. Давайте не будем позволять, чтобы торжество природы, воспринимаемой как самоцель, вырождалось в мизантропический антигуманизм. Давайте не будем позволять, чтобы осознание важности духовных традиций племенных народов вырождалось в реакционную, сверхъестественную, антинаучную, антитехнологическую перспективу, которая призывает нас к полному «разрушению цивилизации» и расценивает охотничье-собираетельское общество как единственно правомерный образ жизни.

Я обращаюсь ко всем активистам в движении, чтобы они поддержали позицию натурализма и более широкого, экологического гуманизма. Это – один из наиболее важных уроков, которые дала мне левая либертарная традиция, из которой я пришёл. Если мы собираемся создать свободное, экологическое общество, нам нужно будет усвоить этот урок и выступить против Контрпросвещения, охватившего слишком многих наших возможных союзников.

Нам необходимо решительное усилие, чтобы связать беспорядок в экологии с беспорядком в обществе; чтобы бросить вызов могущественным корпоративным и политическим интересам, которые собственно следует называть капитализмом; чтобы проанализировать, изучить и атаковать иерархию в реальности, а не только в представлении; чтобы признать материальные потребности бедных и людей третьего мира; чтобы действовать как политическая сила, а не как религиозный культ; чтобы позволить человеческому виду и человеческому разуму занять подобающее место в естественной эволюции, вместо того чтобы воспринимать их как «раковую опухоль» в биосфере; чтобы исследовать экономические системы так же, как и «души»; чтобы развивать дух экологической этики, не уходя в схоластические рассуждения о «правах» патогенных вирусов. Несомненно, если экологическое движение не свяжет экологические проблемы с наболевшими социальными вопросами левой либертарной традиции, как это попытались сделать социальные экологи, наше движение будет поглощено, развалено или превращено во что-то мрачное и репрессивное.

Я рад тому, что Дейв теперь вполне готов старательно разгрести хлам вековой леворадикальной традиции в поисках полезных идей и выводов. Это – важный проект, несмотря на все ограничения и проблемы, обычные для левого лагеря. Я опасаясь, однако, что Дейв и другие теоретики и активисты глубинной экологии будут продолжать эклектически заимствовать отдельные программные положения левой либертарной традиции, игнорируя или преуменьшая значение её основополагающей эмансипаторской, натуралистической и гуманистической логики.

Вот один пример: конкретные предложения о децентрализации, небольших сообществах, местной автономии, взаимопомощи и коммунизме, заимствованные глубинно-

экологическими мыслителями вроде Сешенса и Диволла у эконоархистов наподобие Петра Кропоткина и меня самого, по своей природе не являются экологическими или освободительными. Их конечный результат зависит от социального и философского контекста, в который мы помещаем подобные программы. Немногие общества были более децентрализованными, чем европейский феодализм, который был основан на небольших коммунах, взаимопомощи и общинном землепользовании. Но в то же время немногие общества были более иерархичными и репрессивными. В экономике средневекового поместья-манора большое значение придавалось принципам автаркии, или «самообеспечения», и духовности. Но в то же время угнетение часто было нестерпимым, и значительная масса людей, принадлежавших к этому обществу, была полностью порабощена «благородными» представителями аристократии.

Ясная, творческая и вдумчивая левая зелёная перспектива может помочь нам избежать этой судьбы. Она может дать нам чёткий философский контур или контекст, позволяющий преодолеть моральную несознательность, расизм, сексизм, мизантропию, авторитаризм и социальную неграмотность, которые временами проявлялись в кругах глубинных экологов. Она также может стать последовательной альтернативой как традиционному для левых пренебрежению экологией, так и недавно возникшему, чисто утилитарному подходу реформистского энвайронментализма.

Я убеждён в том, что нам потребуется «озеленить левых и радикализовать зелёных», если мы хотим по-настоящему защитить Землю. Вот почему я думаю, что этот диалог действительно важен.

Версия #1

Зверобой создал 18 апреля 2025 21:36:29

Зверобой обновил 18 апреля 2025 21:38:01